

АНДРЕ

ЖИД

АНДРЕ
ЖИД

Подземелья Ватикана
Фальшивомонетчики

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44
Ж69

Серия «Зарубежная классика»

Andre Gide

LES CAVES DU VATICAN
LES FAUX-MONNAYEURS

Перевод с французского
Н. Зубкова («Подземелья Ватикана»),
А. Франковского («Фальшивомонетчики»)

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства Editions Gallimard.

Жид, Андре.

Ж69 Подземелья Ватикана ; Фальшивомонетчики : [романы] / Андре Жид ; [пер. с фр. Н. Зубкова, А. Франковского]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 576 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-103817-5

«Подземелья Ватикана» (1914) — самый необычный роман великого Андре Жида. Остроумная, полная озорного юмора история шайки мошенников-интеллектуалов, задумавших поистине гениальный способ «отъема денег у населения» — сбор средств на крестовый поход по освобождению несчастного папы римского, якобы похищенного масонами и заточенного в подземелья Ватикана.

«Фальшивомонетчики» (1925) — произведение, знаковое как для творчества Андре Жида, так и для французской литературы первой половины XX века вообще. Роман, во многом предсказавший мотивы, которые стали впоследствии основными в творчестве экзистенциалистов. Запутанные отношения трех семей — представителей крупной буржуазии, объединенных преступлением, пороком и лабиринтом саморазрушительных страстей, становятся фоном для истории взросления двух юношей — двух друзей детства, каждому из которых предстоит пройти свою собственную, очень непростую школу «воспитания чувств».

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44

© Editions Gallimard, Paris, 1914, 1925
© Перевод. Н. Зубков, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017
ISBN 978-5-17-103817-5

ПОДЗЕМЕЛЬЯ
ВАТИКАНА

Жаку Копо

Кювервиль, 19 августа 1913 г.

Я с радостью надписываю Ваше имя на первой странице этой книги. Она была Вашей всегда — во всяком случае, с того времени, как стала обретать форму. Припоминаете ли Вы день, когда Вам я рассказывал о ней? Это было в Кювервиле такого-то года; дул сильный ветер, и мы шли в Этрета смотреть на прилив. Ваш любезный интерес к моему рассказу сильно ободрял меня все время, пока я его писал.

Первый замысел этой книги возник еще раньше. Вы напомнили мне: я Вам о ней говорил на другой день после того, как Вы возвратились из путешествия в Данию.

Сколько же лет-то прошло?..

Я знаю: в наши времена поспешной работы и недоношенных родов трудно мне будет кого-либо убедить, что я мог столь долго вынашивать в голове книгу, пока не решил-ся ею разродиться.

Почему эту книгу назвал я «потешной повестью»? Почему три предыдущих — «рассказами»? Чтоб показать, что они, собственно говоря, не «романы».

Впрочем, это не важно: пускай за романы их примут, лишь бы только потом не пеняли мне, что я нарушил «законы жанра» — не указывали, к примеру, на неясности и беспорядок.

Рассказы, повести... Мне кажется, до сей поры я писал книги лишь *иронические* (или критические, коли Вам так больше по нраву), и эта из них, очевидно, последняя.

Я стою на том, что недостаток произведений нашего времени — их скороспелое появление, поспешность ху-

дожника, не успевающего их выносить. Но не дай Аполлон мне судиться с эпохой! Кто недоволен — пускай кривится. Я говорю все это лишь для того, чтоб предупредить тех, которым в «Подземельях» будет угодно видеть какое-то уклоненье, отречение от прежнего, кто станет чертить кривую моего пути, выявлять эволюцию...

Меня же заботят вопросы лишь ремесла, и я стремлюсь только быть хорошим мастером.

Книга первая

АНТИМ АРМАН-ДЮБУА

Что до меня, то я свой выбор сделал: я вступаю за социальный атеизм. Именно такой атеизм я полтора десятилетия развивал в ряде своих работ...

*Жорж Палант.
Философская хроника «Меркюр де Франс».
Декабрь 1912 г.*

I

Лета 1890-го, при понтификате Льва XIII, слава доктора X., специалиста по лечению болезней ревматического происхождения, разнесшись, призвала в Рим Антима Армана-Дюбуа, франкмасона.

— Что же это? — восклицал Жюльюс де Барайуль, свояк его. — Вы затем отправляетесь в Рим, чтоб исцелить свое тело? Если бы только вы смогли там познать, кольми паче больна душа ваша!

На что отвечал Арман-Дюбуа со снисходительным состраданием:

— Бедный друг мой, посмотрите же на мои плечи.

Барайуль, человек благодушный, невольно переводил взгляд на плечи родственника; они подрагивали, будто вздымаясь от смеха утробного, неудержимого, и, верно, велика была жалость зреть, как это пространное, полупараличное тело в таких глумливых движениях исходит остатками мускульных сил своих. Что ж! Каждый на своем они стояли прочно, и красноречие Барайуля ничего изменить не могло. Может, изменит время? Таинственное действие места святого? Не скрывая безмерного разочарования, Жюльюс отвечал лишь одно:

— Антим, вы меня весьма огорчаете. (Плечи тотчас же прекращали пляску, ибо Антим свояка любил.) Если бы только через три года, когда я приеду к вам на торжества юбилея, — если бы только я мог обрести вас тогда в покаянии!

Вероника, нужно сказать, сопровождала супруга совсем с иными намереньями: она была столь же набожна, как и сестра ее Маргарита, как и Жюльюс, и долгое пребывание в Риме отвечало одному из самых ее сокровенных желаний; она обставляла мелкими привычками благочестия свою монотонную, разочарованную жизнь и, неплодна будучи, окружала свой идеал тем попечением, какого не требовалось от нее для детей. Увы! Она уже не имела надежды привести к Богу своего Антима. Она давно знала, сколь упрям может быть этот огромный мозг, как заперт в своем отрицании. Аббат Флонс ей так и говорил: «Нет непреклонней решений, сударыня, чем дурные решения. Теперь надейтесь только на чудо».

И даже огорчаться она уже перестала. С первых же дней, как супруги устроились в Риме, каждый из них сам для себя устроил свою одинокую жизнь: Вероника — в хозяйственных хлопотах и церковных обрядах, Антим — в научных трудах. Жили рядом друг с другом и против друг друга, друг с другом мирясь, повернувшись друг к другу спиной. Этому благодаря воцарилось меж ними какого-то рода согласие, витало над ними какого-то рода полублаженство, и каждый из них, поддерживая другого, в том находил скромное применение собственной своей добродетели.

Как и в большинстве итальянских жилищ, в их квартире, нанятой через агентство, неожиданные удобства сочетались с приметными недостатками. Она занимала весь бельэтаж палаццо Форджетти на виа ин Лючина; в ней была очень хорошая терраса, где Вероника сразу решила разводить аспидистры, столь плохо растущие в парижских квартирах, — но, чтобы попасть на террасу, непременно было нужно

пройти через оранжерею, которую Антим сразу сделал своей лабораторией. Договорились, что он разрешает проход с такого-то по такой-то час.

Вероника отворяла бесшумно дверь и пробегала затем торопливо, глаза опустив долу, как молодой монах проходит мимо бесстыдных картинок на стенах, ибо ей было противно видеть, как в самом дальнем углу, возвышаясь над креслом с прислоненным к нему костылем, огромная спина Антима склонялась над неизвестно каким недобрым делом. Антим, со своей стороны, старался никак не подать вида, что слышит ее. Но как только она проходила назад, тяжело поднимался с сиденья, ковылял до двери и, полон злобы, губы поджав, властным движением пальца толкал дверную задвижку — щелк!

Скоро затем наступало время, когда через другую дверь Беппо — парнишка на побегушках — приходил спросить, какие будут распоряжения.

Уличного оборванца лет двенадцати или тринадцати, без родителей и без крова, Антим заметил через несколько дней после приезда в Рим. Беппо сидел против гостиницы на виа Бокка ди Леоне, где супруги остановились на первое время, и пытался привлечь вниманье прохожих цикадой, жившей у него на пучке травы в коробочке из камыша. Антим дал парнишке за насекомое десять сольдо и, зная по-итальянски лишь пару слов, кое-как объяснил, что завтра переезжает в квартиру на виа ин Лючина, и тогда ему понадобится несколько крыс. Все, что плавает, ползает, бегаёт и летает, служило ему материалом: он работал с плотью живой.

Прирожденный добытчик, Беппо достал бы ему и орла или волчицу Капитолийскую. Ему нравилась такая работа: он всегда любил что-нибудь стибрить. Платили ему десять сольдо в день; помогал он и по хозяйству. Вероника сначала смотрела на него косо, но, увидев раз, как мальчишка перекрестился, проходя мимо Мадонны на северном углу их до-

ма, она простила ему лохмотья и позволила носить в кухню воду, уголь, дрова, растопку; носил он даже корзинку, когда провожал Веронику на рынок по вторникам и по пятницам: в эти дни у горничной Каролины, приехавшей вместе с супругами из Парижа, было слишком много хлопот в самом доме.

Вероника не нравилась Беппо, но в ученого мальчик прямо влюбился. Вскоре тот уже не спускался, мучась, во двор забрать доставленных жертв, а позволял парнишке самому являться в лабораторию. Туда проходили прямо с террасы, на которую со двора вела потайная лестница. Чуть сильнее начинало биться сердце Антима в его нерушимом уединенье, когда он слышал негромкий стук босых пяточек по камням. В окно Антим не глядел: от работы его не отрывало ничто.

В застекленную дверь мальчик не стучался, а скребся; Антим, не отвечая, продолжал сидеть, сгорбленный, за столом, и тогда Беппо ступал на четыре шажка и ясным голоском ронял «permesso?»*, наполнявшее всю комнату лазурью. По голосу приняли бы его за ангела, был же он подручным палача. Он клал на стол мешок — что за новую жертву в нем приносил он? Часто Антим, чересчур поглощенный работой, мешок открывал не сразу, а лишь мельком глядел на него; вздрагивал холст — там могла сидеть и крыса, и мышь; лягушка, воробышек — Молоху все было впрок. Иногда Беппо не приносил ничего и все равно приходил: он знал, что Арман-Дюбуа ждет его и с пустыми руками; и когда мальчик молча склонялся рядом с ученым над каким-нибудь жутким опытом — желал бы я быть уверен, что физиолог не наслаждался тщеславной радостью мнимого бога, видя, как вперяется взгляд ребенка то, с ужасом, в бедную живность, то, с восхищеньем, — в него самого!

Чтобы в дальнейшем напасть на самого человека, Антим Арман-Дюбуа пока что хотел лишь просто свести к «тропизмам» всю деятельность наблюдаемых им животных. Тро-

* Позвольте? (*ит.*)

пизмы! Не успели изобрести это слово, как никакого другого уже и не понимали; целый разряд психологов теперь признавал лишь «тропизмы». Тропизмы! Какой неожиданный свет воссиял из этих звуков! Было ясно, что организм уступает тому же влечению, что и подсолнечник, когда лишенное воли растение поворачивается лицом к солнцу (что легко сводится к простым законам физики и термохимии). Отныне мир сей получал утешительный дар успокоения. В самых неожиданных движениях существа стало возможным просто признать безусловное послушание движителю.

Чтобы достичь своей цели, чтобы от укрощенной живности добиться признания в простоте поведения, Антим Арман-Дюбуа изобрел сложную систему коробочек с коридорами, лесенками, лабиринтами, отсеками, где в одних лежала еда, в других ничего или какой-нибудь чихательный порошок, с дверцами разного цвета и формы — дьявольский инструмент, вскоре прогремевший в Германии и под именем *Vexierkasten** ставший на службу новой психофизиологической школе, сделавшей новый шаг на путях безбожия. А чтобы действовать на то или иное чувство, тот или иной отдел мозга животного раздельно, он тех ослеплял, иных оглушал, кастрировал, декортикировал, обезмозгливал, лишал их того или иного органа, который вы сочли бы необходимым, но без которого тварь могла обойтись для Антимовых целей познания.

Его «Сообщение об условных рефлексах» перевернуло Упсальский университет; начались жесточайшие дискуссии, в которых принял участие весь цвет иностранной науки. Но в уме Антима уже взметались новые вопросы — и он, предоставив споры коллегам, повел изыскания на иных путях, надеясь выбить Бога из самых потаенных укреплений.

Ему не довольно было признать *grasso modo*** , что всякая жизненная активность приводит к износу, что животное тратит силы уже одним применением мускулов. Всякий

* Обманных шкатулок (нем.).

** В общих чертах (лат.).

раз он спрашивал: сколько потрачено? А когда изнуренный предмет его опытов желал свои силы восстановить, Антим его не кормил, но взвешивал. Дополнительные условия чересчур усложнили бы эксперимент, а был он таков: шесть крыс, голодающих и связанных, подвергались ежедневному взвешиванию — две слепых, две кривых и две зрячих; зрению двух последних непрестанно мешала маленькая механическая мельничка. В каком отношении находилась потеря их веса после пяти дней голодовки? С торжеством добавлял Антим Арман-Дюбуа каждый день, ровно в полдень, новые цифры в заведенные для того специально таблички.

II

Юбилей начинался уже совсем скоро. Супруги Арман-Дюбуа ожидали Барайулей со дня на день. Утром пришла телеграмма с известием, что приедут они под вечер, и Антим вышел из дома купить себе галстук.

Выходил Антим редко — как можно реже: ему было трудно двигаться; Вероника все для него с удовольствием покупала, а шили у портных на заказ, приглашая на дом снять мерку. За модой Антим следить уже перестал, но хотя галстук ему был нужен самый простой (скромная ленточка черного шелка), он желал его выбрать сам. В дорогу он купил и в гостинице носил манишку из кармелитского сатина, однако она постоянно выбивалась из-под жилета, который Антим привык глубоко расстегивать; сменивший ее кремовый шейный платок Маргарита де Барайуль, несомненно, найдет неряшливым. Напрасно он изменил маленьким черным ленточкам, которые носил обыкновенно в Париже, и совсем зря не сохранил ни одной для образца. А здесь какой ему предложат фасон? Он не мог решиться, не обойдя несколько магазинов на Корсо и виа деи Кондотти. Бант был бы излишней вольностью для пятидесятилетнего человека; нет, конечно, — пойдет лишь лента с прямым узлом, черная, совершенно матовая...

Обедали только в час дня. К полудню Антим вернулся с покупкой — он успел к взвешиванию крыс.

Щеголем Антим вовсе не был, но испытал потребность примерить свой галстук, а потом уже сесть за работу. Осколок зеркала, служивший некогда для того, чтоб вызывать тропизмы, лежал на столе; Антим приставил его к клетке и склонился над собственным отражением.

Он носил до сих пор еще не поредевшие волосы бобриком — некогда рыжие, теперь же того неясного серовато-желтого цвета, какой появляется у старых вещей позолоченного серебра; над глазами его, серее и холоднее зимнего неба, брови торчали густыми кустами; бакенбарды, маленькие, коротко стриженные, были все еще рыжеватого цвета, как и неухоженные усы. Антим провел рукой по впалым щекам, по широкому квадратному подбородку.

— Ничего, ничего, — пробормотал он, — побреюсь потом.

Он достал галстук из пакета, положил перед собой, вытащил булавку с камеей, снял платок. Его тяжелый затылок был окружен полувысоким воротничком, спереди открытым; кончики его Антим опускал. Здесь, при всем моем желании говорить только о самом главном, я не могу умолчать о шишке на шее Антима Армана-Дюбуа. Ибо что я могу требовать от своего пера, кроме точности и строгости, пока не приобрету умения надежно различать второстепенное и существенное? И кто может утверждать, что эта шишка не сыграла никакой роли, не имела никакого веса в том, что Антим именовал своей «свободной» мыслью? Ишиас свой он бы, пожалуй, Богу еще простил, но вот этой пошлости простить не мог.

Шишка у него появилась, он не знал отчего, вскоре после женитьбы: сначала только чуть правей и ниже левого уха, там, где начинают расти волосы, — какой-то безобидный узелок; он рос, но Антим еще долго мог скрывать его под густой шевелюрой, начесывая кудри на шею; даже Вероника не замечала его, пока однажды ночью, лаская мужа, рукой на него не наткнулась и не вскрикнула: